

УДК 81.33 = 343.98

**СПОСОБЫ ВЫЯВЛЕНИЯ ИМПЛИЦИТНОЙ ИНФОРМАЦИИ
В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ**

© 2014 г.

Т.Б. Радбиль, В.А. Юматов

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

radbil@sandy.ru

Поступила в редакцию 1.10.2014

Описываются виды имплицитной информации в спорных текстах и анализ способов ее выявления. Рассматриваются два основных вида имплицитной информации — пресуппозиции и инференции. Характеризуются особенности манипулятивных приемов ввода в дискурс негативной информации, связанных с некорректным использованием пресуппозитивных и имплицитивных элементов смысла.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, имплицитная информация, пресуппозиция, инференция.

На современном этапе, в связи с увеличивающейся степенью информатизации нашего общества и с расширением видов языковых правонарушений, типов спорных и конфликтогенных текстов, в условиях новых коммуникативных потребностей неуклонно возрастает востребованность такого вида экспертной деятельности, как судебная лингвистическая экспертиза. Судебная лингвистическая экспертиза определяется как «процессуально регламентированное экспертное лингвистическое исследование устного и (или) письменного текста, завершающееся составлением письменного заключения по вопросам, разрешение которых требует применения специальных познаний» [10, с. 124]. Сегодня к качеству такого исследования предъявляются повышенные требования в плане научности, методологической адекватности и логической непротиворечивости.

Научная обоснованность теоретических положений, анализа фактических данных и, в том числе, предлагаемых методов исследования во многом определяется использованием экспертом-лингвистом новейших идей и принципов современной науки о языке. Особенно это важно в ситуации, когда на разрешение эксперта-лингвиста ставятся вопросы, ответ на которые не вытекает прямым и непосредственным образом из того, что написано в спорном тексте. Поэтому совершенно естественно, что в современной практике лингвистического экспертного исследования получают широкое распространение методы выявления имплицитной, т.е. словесно не выраженной информации в спорных текстах.

Имплицитная, т.е. невербализованная информация составляет значительный массив со-

вокупного содержания целого текста, что вытекает из компрессивной природы языкового знака и обусловлено общими законами речевой коммуникации. При этом, несмотря на отсутствие прямой вербализации, означенная информация может быть установлена с достаточной степенью полноты и недвусмысленности. Предлагаемые в настоящей работе способы выявления имплицитной информации основаны на актуальных идеях и принципах современной теории речевых актов и логического анализа естественного языка.

Теория речевых актов, создателями которой считаются Дж. Остин и Дж.Р. Серль [5; 8; 9], в последнее время все активнее входит в научный обиход исследователей в сфере судебного речеведения (термин и понятие «судебное речеведение» в наши дни активно разрабатывается в трудах Е.И. Галяшиной [3]). Так, например, научный инструментарий этой теории успешно применяется в анализе разных процессуальных аспектов суда присяжных (работы Б.С. Каменского и А.Е. Босова) [4]. Также и в нашей предыдущей работе мы рассматривали возможности использования теории речевых актов в квалификации речевых актов деликта (языковых правонарушений), в разграничении утверждения и мнения, а также актов добросовестного заблуждения и недобросовестного информирования и пр. [5, с. 286–290].

Нам представляется, что возможности применения научного инструментария этой теории далеко не исчерпаны. В частности, объединив основные методы теории речевых актов с современными принципами постклассического логического анализа естественного языка, мы имеем достаточно надежный научный аппарат

для выявления разнообразных сведений, которые содержатся в анализируемом спорном тексте не прямо, но, в соответствии с авторским замыслом, не просто могут, но должны быть выведены читателем путем нестрогих импликаций (умозаключений). Это позволяет авторам как бы «убить двух зайцев»: с одной стороны, выразить нужную мысль, а с другой – отвести от себя возможные обвинения в речевых действиях, могущих попасть в сферу применимости уголовного, административного или гражданского законодательства.

В современной лингвистической прагматике обсуждаются разнообразные типы словесно невыраженной информации: пресуппозиции, презумпции, импликации, имплицитности дискурса, модальные рамки и пр. [6, с. 221–257]. Не вдаваясь в теоретические тонкости, в настоящей работе мы остановимся на двух, на наш взгляд, базовых видах имплицитной информации в тексте, во многом противоположных друг другу, хотя и имеющих сходный психолингвистический механизм функционирования в восприятии адресата текста, – это **пресуппозиции** и **инференции**.

Пресуппозиция представляет собой невербализованное, т.е. не высказанное прямо суждение, которое полагается «по умолчанию» как общеизвестное или безусловно истинное, выступая основным условием осмысленности всего высказывания, т.е. своего рода «базой» для его понимания. Например, в высказывании «Его недостатки меня шокируют» скрыта пресуппозиция ‘он имеет недостатки’. Особенность пресуппозиции заключается в том, что она должна быть обязательно истинной, чтобы все высказывание имело смысл, а выражение истинности – это один из признаков утверждения. Пресуппозиция – это условие истинности высказывания. Иначе говоря, именно пресуппозиция отвечает за то, чтобы высказывание имело смысл. То, что содержится в эксплицитной, т.е. в непосредственно выраженной словами части суждения, может быть оспорено, опровергнуто, может быть истинным и ложным, т.е. нуждается в верификации, в доказательстве. То, что содержится в пресуппозиции есть истина, так сказать, «по умолчанию».

Пресуппозиция очень легко верифицируется с помощью «теста на отрицание» – она не отрицается при общем отрицании содержания высказывания (ср. в нашем примере — при переделке в отрицательную конструкцию «Его недостатки меня НЕ шокируют» пресуппозиция ‘он имеет недостатки’ все равно сохраняется’).

Инференция представляет собой, в отличие от пресуппозиции, так называемое «выводное

знание», знание, которое вообще не содержится в семантике слов и выражений, составляющих высказывание. Это информация, которую адресат сообщения должен, по замыслу его автора, самостоятельно вывести из того, что сказано, опираясь на контекст, на ситуацию общения, культурный фон, энциклопедические знания о мире, а также на постулаты общения (неявные конвенции, принятые по умолчанию в любом социуме при использовании речевой коммуникации). Так, например, женщина, говорящая в ссоре со своим мужем что-то вроде: «Все мужики – пьяницы!», рассчитывает на инференцию, в соответствии с которой муж воспримет это не как обобщающее суждение, не касающееся его лично, а как обращенную персонально к нему инвективу.

Инференция верифицируется не так прозрачно, как пресуппозиция, однако все же она выявляется при обращении к обстановке речи, к контексту, т.е. к экстралингвистической информации, посредством здравого смысла и простейших умозаключений: ведь суть ее как раз и состоит в том, чтобы читатель ее сам понял и сам вывел, значит, мы просто должны проделать тот же логический путь вместе с читателем. Простой пример – выражение : «А кто-то у нас сейчас получит!» в присутствии лица, к которому оно обращено, однозначно реферирует именно к этому лицу, хотя его имя не названо, а данный человек вообще упоминается в третьем лице.

Пресуппозиции и инференции, с одной стороны, обязательно присутствуют в каждом тексте, и ими можно манипулировать, т.е. сознательно эксплуатировать их такое важное для коммуникации свойство, как неосознанность восприятия, невозможность рефлексирования слушающим, в отличие от прямых доводов или аргументов к разуму.

Пресуппозиции и инференции, с другой стороны, – это «полноценные суждения» в том плане, что, как и обычное суждение, они суть такие же носители и выразители информации, в том числе негативной, агрессивной, манипулятивной, недобросовестной, клеветнической и т.п.

Прием недобросовестного использования пресуппозиций получил в научной литературе название «навязывание пресуппозиций», а прием недобросовестного использования инференций иногда называют «наведение ложных умозаключений» или «подведение к ложному умозаключению» [1; 2].

Но суть дела – не в названии приема, а в том, что при условии доказанного и аргументированного выявления указанных видов имплицитной информации, знание, которое вообще не содержится в семантике слов и выражений, составляющих высказывание. Это информация, которую адресат сообщения должен, по замыслу его автора, самостоятельно вывести из того, что сказано, опираясь на контекст, на ситуацию общения, культурный фон, энциклопедические знания о мире, а также на постулаты общения (неявные конвенции, принятые по умолчанию в любом социуме при использовании речевой коммуникации). Так, например, женщина, говорящая в ссоре со своим мужем что-то вроде: «Все мужики – пьяницы!», рассчитывает на инференцию, в соответствии с которой муж воспримет это не как обобщающее суждение, не касающееся его лично, а как обращенную персонально к нему инвективу.

цитной информации они могут характеризоваться как скрытые, т.е. косвенные утверждения, которые, согласно существующей практике, в отличие от мнений или оценочных суждений, уже вполне подлежат юридической квалификации.

Приведем некоторые примеры из реальных лингвистических экспертных исследований, иллюстрирующие способы выявления негативных пресуппозиций или инференций в спорном тексте.

Негативная информация, содержащаяся в пресуппозиции, может вводиться в стандартной форме утверждения. Так, в одном из электронных изданий вышел материал, направленный против журналистов правозащитно-либеральной ориентации. Один из подзаголовков гласил: *Журналисты-предатели должны быть наказаны*. В пресуппозиции опущено суждение '(вышеупомянутые) журналисты являются предателями'. Смысл приема состоит в том, что если бы это было выражено в форме прямого суждения, то понадобились бы доказательства и аргументы для этого тезиса. Информация в пресуппозиции является верной, истинной, так сказать, по определению и не нуждается в верификации.

Часто такая информация вводится в форме косвенного речевого акта, например, риторического вопроса, чтобы усилить воздействие на эмоциональную сферу читателя. Так, об одном из вышеуказанных журналистов написано: *Кто из нас может представить, что нормальный, добропорядочный человек будет разговаривать с выродками, крушащими все на своем пути?* – Здесь наводится пресуппозиция 'имеющийся в виду субъект (названный по имени в предыдущем фрагменте) не является нормальным, добропорядочным человеком'.

Негативная информация, содержащаяся в инференции, вводится за счет апелляции к культурному фонду и экстралингвистическим знаниям читателя. Так, в газетной статье, критикующей сторонников одного из представителей власти Нижнего Новгорода, написано: *Вся эта шатия и устроила в городе театр марионеток имени Карабаса Барабаса*. – Здесь использование автором негативной метафоры *театр марионеток имени Карабаса Барабаса*, с опорой на фоновые культурные знания читательской аудитории, трактует указанные события как управляемые чьей-то недоброй волей, а самих участников представляет как безвольных «марионеток» в чужих руках. С другой стороны, использование известного образа Карабаса Барабаса явно эксплуатирует негативно-оце-

ночный коннотативный фон, стоящий за этим прецедентным именем для любого, кто знаком с произведением А.Н. Толстого про Буратино, в целях усиления негативного впечатления у читателей. Негативную инференцию усиливает использование просторечной экспрессивной лексемы *шатия*. Также в план инференции выведены и референты, т.е. те, кто имеется в виду в данном высказывании (в нем самом они не названы, но из предыдущего контекста ясно, кто именно обозначается негативной номинацией *шатия*).

Выведение в план инференции референта, который прямо не назван, но подразумевается из контекста, является очень распространенным приемом имплицитной передачи негативной информации. Так, в одной из газетных статей про главного героя Х., претендента на высокий пост во властных структурах нашего города, не называя его, автор пишет примерно следующее: *«Нет резервов на метод проб и ошибок, не осталось поля для маневра, когда ставка делалась бы на дилетанта, который начнет принимать «простые» решения, рванет вперед с шашкой наголо»*.

Здесь прямо не указывается, что под словом *дилетант* имеется в виду именно Х., но весь контекст статьи подводит читателя к мысли, что это Х. охарактеризован как дилетант. Нетрудно видеть, что данная инференция, т.е. словесно не выраженное утверждение: «Х. – дилетант» содержит информацию, негативно характеризующую деловые и профессиональные качества указанного лица, при этом голословно, потому что в тексте статьи не приводится аргументация этого тезиса.

Именно возможности голословного ввода некой информации при отсутствии санкций за бездоказательное суждение (каковые были бы возможны в случае появления этой информации в форме прямых утверждений) привлекают авторов в СМИ и политическом дискурсе к таким формам подачи имплицитной информации, как пресуппозиции или инференции. Это и делает некорректное использование пресуппозиций и инференций излюбленным языковым средством для «черного пиара» (кстати, подобное использование является одновременно и ярким сигналом, индикатором того, что перед нами – именно «заказная статья» или другая разновидность «черного PR»).

В заключение отметим, что навязывание ложной пресуппозиции или подведение к ложному умозаключению являются одними из самых действенных приемов языковой манипуляции сознанием, и в качестве таковых они широ-

ко используются в недобросовестной или недостоверной рекламе, что также является возможной сферой приложения для правоприменительной деятельности, в том числе и экспертного характера.

Список литературы

1. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теоретические основания и практика: Учеб. пособие. 3-е изд. М.: Флинта; Наука, 2011. 592 с.
2. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Приемы языковой демагогии. Апелляция к реальности как демагогический прием / Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Языки русской культуры, 1997. С. 461–477.
3. Галяшина Е.И. Методологические основы судебного речеvedения: Дис. ... д-ра филол. наук. М.: МГУ имени М.В. Ломоносова, 2003.
4. Каневский Б.С., Босов А.Е. Напутственное слово председательствующего с точки зрения теории речевых актов // Уголовное право. 2013. № 2. С. 97–103.
5. Остин Дж.Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов: Сб. научн. трудов / Общ. ред. Б.Ю. Городецкого. М.: Прогресс, 1986. С. 22–129.
6. Падучева Е.В. Семантика, прагматика, референция / Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 221–257.
7. Радбиль Т.Б., Юматов В.А. Возможности и перспективы применения теории речевых актов в лингвистической экспертизе // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. № 1 (1). Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2013. С. 286–290.
8. Серль Дж.Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов: Сб. научн. трудов / Общ. ред. Б.Ю. Городецкого. М.: Прогресс, 1986. С. 170–194.
9. Серль Дж.Р. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов: Сб. научн. трудов / Общ. ред. Б.Ю. Городецкого. М.: Прогресс, 1986. С. 151–169.
10. Судебные экспертизы в гражданском судопроизводстве: организация и практика / Под ред. Е.Р. Россинской. М.: Изд-во «Юрайт», 2011. 535 с.

THE METHODS FOR DETECTION OF IMPLICIT INFORMATION IN LINGUISTIC EXPERTISE

T.B. Radbil, V.A. Yumatov

The article deals with the description of the types of implicit information in debatable texts and with the analysis of the ways for its detection. Two main types of implicit information – presuppositions and inferences – are examined. Some features of manipulative modes of negative information input into the discourse, which are related to incorrect usage of presuppositional and implicational elements of sense, are analyzed.

Keywords: linguistic expertise, implicit information, presupposition, inference.

References

1. Baranov A.N. Lingvisticheskaja jekspertiza teksta: teoreticheskie osnovanija i praktika: Ucheb. posobie. 3-e izd. M.: Flinta; Nauka, 2011. 592 s.
2. Bulygina T.V., Shmelev A.D. Priemy jazyko-voj demagogii. Apelljacija k real'nosti kak demagogicheskij priem / Jazykovaja konceptualizacija mira (na materiale ruskoj grammatiki). M.: Jazyki ruskoj kul'tury, 1997. S. 461–477.
3. Galjashina E.I. Metodologicheskie osnovy sudebnogo rechevedenija: Dis. ... d-ra filol. nauk. M.: MGU imeni M.V. Lomonosova, 2003.
4. Kanevskij B.S., Bosov A.E. Naputstvennoe slovo predsedatel'stvujushhego s točki zrenija teorii rechevyh aktov // Ugolovnoe pravo. 2013. № 2. S. 97–103.
5. Ostin Dzh.L. Slovo kak dejstvie // Novoe v zarubezhnoj lingvistike: Vyp. 17. Teorija rechevyh aktov: Sb. nauchn. trudov / Obshh. red. B.Ju. Gorodeckogo. M.: Progress, 1986. S. 22–129.
6. Paducheva E.V. Semantika, pragmatika, referencija / Semanticheskie issledovanija: Semantika vremeni i vida v ruskom jazyke. Semantika narrativa. M.: Jazyki ruskoj kul'tu-ry, 1996. S. 221–257.
7. Radbil' T.B., Jumatov V.A. Vozmozhnosti i perspektivy primeneniya teorii rechevyh aktov v lingvisticheskoi jekspertize // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Loba-chevskogo. № 1 (1). N. Novgorod: Izd-vo NNGU, 2013. S. 286–290.
8. Serl' Dzh.R. Klassifikacija illokutivnyh aktov // Novoe v zarubezhnoj lingvistike: Vyp. 17. Teorija rechevyh aktov: Sb. nauchn. trudov / Obshh. red. B.Ju. Gorodeckogo. M.: Progress, 1986. S. 170–194.
9. Serl' Dzh.R. Chto takoe rechevoj akt? // Novoe v zarubezhnoj lingvistike: Vyp. 17. Teorija rechevyh aktov: Sb. nauchn. trudov / Obshh. red. B.Ju. Gorodeckogo. M.: Progress, 1986. S. 151–169.
10. Sudebnye jekspertizy v grazhdanskom sudoproduzstve: organizacija i praktika / Pod red. E.R. Rossinskoj. M.: Izd-vo «Jurajt», 2011. 535 s.